
М. И. ШЕВЫРЕВА

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЭТИКЕ ДРУГОГО

В статье проводится моральный анализ феномена толерантности с точки зрения «этики Другого» – нравственных концепций, в которых Другой играет решающую роль (философия М. Бубера, Э. Левинаса, М. М. Бахтина и других мыслителей). Основным принципом «этики Другого» является принятие Другого в его инакости и чужеродности. Толерантность же представляет собой своеобразную попытку реализовать этот принцип. Анализ идеи толерантности приводит к выводу, что принятие Другого не может полноценно реализоваться благодаря толерантности. Более того, в некоторых случаях эта идея может быть губительна, так как создает видимость достойного с точки зрения морали поступка.

Ключевые слова: Другой, толерантность, этика Другого, диалог, моральная мотивация, терпимость, коммуникация, глобализация.

The article performs a moral analysis of the phenomenon of tolerance from the point of view of the “ethics of the Other” – the moral concepts in which the Other plays a decisive role (philosophy of Buber, Levinas, Bakhtin and other thinkers). The basic principle of the “ethics of the Other” is the acceptance of the Other in his otherness and heterogeneity. Tolerance is an attempt to implement this principle. The analysis of the idea of tolerance leads to the conclusion that the acceptance of the Other cannot be fully realized due to tolerance. Moreover, in some cases this idea can be fatal, since it creates only the appearance of a moral worthy act.

Keywords: the Other, tolerance, the ethics of the Other, dialogue, moral motivation, forbearance, communication, globalization.

Идея Другого вошла в философский дискурс сравнительно недавно, но в связи с трансформациями современной культуры, в том числе нравственной культуры, приобретает все большее значение для современной философии. Мало того что тема является сравнительно новой – о Другом гуманитарные науки заговорили достаточно поздно, в конце XIX в. (первым среди западных мыслителей,

кто связал нравственную проблематику с идеей Другого, был Людвиг Фейербах), – так еще и осталось множество неразрешенных вопросов, и найти ответы на них только предстоит. Актуальности этой теме добавляют и внешние обстоятельства – на фоне глобализации остро стоит вопрос мультикультурализма и «диалога культур», поэтому осмысление значения и роли Другого представляет новый вызов для мыслителей нашего времени.

Большое значение проблема Другого имеет и для морали. Целесообразно даже говорить об «этике Другого» – этических концепциях особого рода, которые в основу нравственной рефлексии ставят проблематизацию фигуры Другого (например, воззрения Мартина Бубера, Эммануэля Левинаса, Михаила Бахтина и других философов). Для этих философов характерно стремление принять чужеродность и инакость Другого, быть к нему терпимым. Таким образом, проблема Другого в нравственной философии и феномен толерантности, имеющий место в современной западной культуре, оказываются системно взаимосвязанными.

Подобные рассуждения можно встретить в философии М. Бубера, который настаивает на отношении к Другому как к «Ты», а не как к «Оно». Это отношение подразумевает то, что мы попытаемся принять Другого, несмотря на все различия, мы воспринимаем его на равных и открыты для диалога. Более того, Бубер настаивает, что только подобным образом и проявляет себя подлинная экзистенция: «Лишь тот, кто имеет в виду действительно другого человека и отдается ему, обретает в нем мир. Лишь существо, чья инакость, принятая моим существом, живет рядом во всей своей экзистенции, приносит мне сияние вечности. Только если два человека всем своим существом говорят друг другу: “Это – ты!” – между ними пребывает сущее» [Бубер 1995: 107]. Отношение «Я-Оно» означает, что Другого мы рассматриваем как вещь среди вещей.

Вслед за ним Э. Левинас заявляет, что движение к инакости, к Иному (а в его концепции это понятие связано с богом), которое всегда выражает себя через принятие и служение конкретному Другому, образует смысл самого бытия. Природа у этого движения всегда этическая. Но если Бубер пытается выстраивать диалог между Я и Другим как бы на равных, то Левинас описывает Другого как господина: «Признать Другого значит дать. Но дать господину, повелителю, тому, к кому мы обращаемся на “вы”, в ощуще-

нии высоты» [Левинас 2000: 108]. Согласно философу, только через смирение и служение, через особого рода жертву мы позволяем Другому проявить себя. Эта идея подразумевает и свою практическую сторону – смирение, проявляющееся не просто в терпимом отношении, но в полном принятии автономной специфики Другого как объекта поклонения без попыток какой-либо критики.

Желание принять Другого во всей его чужеродности можно встретить и в русской философии, например, в концепциях Павла Флоренского, Николая Бердяева, Семена Франка. Для Флоренского дружба упраздняет различия, она помогает смириться даже с тем, что нам в Другом не нравится [Флоренский 2003]. Н. Бердяев (отметим, что включение Другого в этику у этого мыслителя происходит лишь на позднем этапе творчества) связывает принятие чужеродности «Ты» с развитием личности, настаивая на том, что без Другого это развитие невозможно. С. Франк подчеркивает, что отношения с Другим противоречивы: он является одновременно и родным, и чужим. Но без смирения перед его инакостью никакая мораль невозможна [Франк 1992]. О Другом также много писал Михаил Бахтин. В его творчестве нет четкого посыла принять инакость Другого, однако заметно уважительное отношение к отличиям и даже некоторый трепет перед Другим.

Но что на самом деле значит «принять чужеродность»? Как можно быть терпимым к инакости Другого? В современном обществе при разговорах о терпимости часто вспоминают принцип толерантности. Можно сказать, что толерантность – это своеобразная попытка мирно сосуществовать с Другим. Но насколько этот принцип оправдан с точки зрения морали? Соответствует ли он требованиям «этики Другого»? Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходимо тщательно проанализировать саму идею толерантности.

Толерантность определяется как терпимость к чужеродным культурным установкам, как способность адекватно воспринимать религиозные и культурные различия, не стремясь навязать свое видение или скорректировать убеждения другого человека/культуры. Безусловно, сама идея толерантности связана с развитием морального самосознания человечества. В современном мире эта идея имеет большое значение: она во многом определяет общество Запада, а вот на постсоветском пространстве к ней относятся довольно настороженно, часто возникают споры на эту тему. Но раз есть споры, зна-

чит, есть и интерес к проблеме, который, кстати, также связан с тем, что постсоветские страны являются частью глобального сообщества и должны отвечать на вызовы современности. Одним из вызовов является проблема мирного сосуществования разных систем ценностей, решить которую пытаются с помощью толерантности.

Отметим, что настороженное отношение к идее толерантности оправданно. Как верно отмечает Т. И. Пороховская [2013], при внимательном рассмотрении видны трудности и неопределенности, связанные с реализацией принципа толерантности. Есть ли четкая граница между толерантным и нетолерантным поведением? Есть ли исключения, которые позволяют быть нетолерантным (например, если другой человек тоже нетолерантен)? Распространяется этот принцип только на вопросы веры и культурных традиций, или же он может применяться даже в личных вопросах, например, в вопросе привычек (толерантность к курящим)?

Терпимость, которая лежит в основе толерантности, имеет разные коннотации [Там же]. Она может быть вынужденной: например, если представитель культуры А вынужден жить в неприятной для него культуре В, потому что так сложились обстоятельства. Может основываться на безразличии (тогда закономерно вообще задать вопрос: насколько целесообразно использовать слово «терпимость?»), может строиться на благих стремлениях (уважении к чужому образу жизни и т. д.), на снисхождении. Не всегда терпимое отношение будет обладать моральной ценностью.

Можно предположить, что толерантным следует считать лишь то поведение, которое является результатом морального стремления уважительно относиться к другим людям и культурам. Отметим, что во многих странах принят закон, согласно которому за дискриминацию (которая, по сути, является нетолерантным поведением) человек должен понести ответственность, например, заплатить штраф. Получается, желание вести себя толерантно может быть связано с банальной экономией бюджета. Назовем ли мы поведение экономного человека толерантным, несмотря на подобную мотивацию? Скорее да, чем нет. В конце концов, он же не ведет себя нетолерантно. Зачем обвинять в нетолерантности того, кто никогда не дискриминировал людей из-за цвета кожи, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. д.?

Терпимое отношение может быть связано с безразличием. В этом случае мы, скорее всего, тоже назовем человека толерантным, но моральной мотивации у его поступка не будет. Так или иначе, разгра-

ничение терминов «толерантность» и «терпимость» и полное, с логической точки зрения, их определение – это вопросы отдельные, уделить им полноценное внимание в рамках данной статьи мы не можем. Однако очевидно, что толерантные поступки остаются таковыми даже тогда, когда они не связаны с нравственными мотивами.

На самом деле концепция толерантности не всегда учитывает фигуру Другого. Если толерантность является снисхождением, в котором Другому как бы «прощают» его особенности, то здесь, по сути, нет никакого принятия и равенства. Это вполне себе тактический ход, действие, если говорить словами М. Бубера, в рамках модуса «Я-Оно». Если же толерантность связана с безразличием, то никакого диалога и этики здесь тоже нет. Чтобы терпимое отношение к Другому обладало моральной ценностью, оно должно исходить из подлинного желания позволить Другому раскрыться и проявить себя. Иначе никакая честная коммуникация (дискурс, как бы сказал Э. Левинас) невозможна.

Отметим, в рамках идеи толерантности осуществляется терпимое отношение лишь к групповым вещам (пускай и на уровне индивида) – например, к религиозным особенностям конкретной культуры или же к социальным практикам некоторых групп (курильщики, ЛГБТ-сообщество и др.). Идея толерантности не учитывает уникальные особенности и потребности конкретного человека, которые могут встречаться только у него одного.

Принцип толерантности не позволяет полноценно осуществить принятие Другого. Он основан на компромиссе, который зачастую лишь создает видимость решения проблемы. Даже если мы допускаем, что толерантность вызвана искренним желанием поступить правильно, быть моральным, принять Другого, то у нас возникают трудности, когда мы сталкиваемся с конкретным Другим, с его индивидуальными проблемами и особенностями. В таких случаях уместнее говорить уже не о толерантности, а, скорее, о терпимости в межличной коммуникации. Ведь если у людей возникают проблемы с принятием конкретных особенностей (при условии, что они не связаны с групповыми маркерами – вероисповеданием, расой, сексуальной ориентацией и т. д.), понятие толерантности в том смысле, в котором его используют гуманитарные науки, становится избыточным.

При этом далеко не все поступки, которые мы считаем проявлением толерантности, будут связаны с этическим поведением. Существует точка зрения, согласно которой толерантность пред-

ставляет собой лишь промежуточный этап на пути к полноценному принятию Другого, она должна реализоваться в завершении признания Другого как равного [Миронов, Миронова 2017]. Переход к признанию Другого должен осуществляться в рамках диалога, построенного на определенных принципах, однако именно с ними и возникают сложности.

На первый взгляд кажется, что толерантность (в том виде, в котором она встречается сейчас) может способствовать честному диалогу: субъекты коммуникации пытаются «смириться» с имеющимися культурными отличиями, они пытаются воспринять друг друга на равных. Однако толерантное отношение, как уже было сказано, не всегда связано с моральной мотивацией, в этом и заключается главная трудность.

Принятие Другого всегда сопряжено с высокой моральной мотивацией, с искренним желанием служения ему. Именно поэтому Э. Левинас называет Другого господином [Левинас 2000], а М. Бахтин пишет о святости желания Другого [Бахтин 2000]. Принятие Другого, диалог с ним – это в некотором смысле онтологический подвиг (недаром М. Бубер связывает экзистенцию и модус «Я-Ты»), а чтобы совершить подвиг, нужны серьезные причины. Толерантность таких оснований не дает, она, скорее, даже ослабляет моральную мотивацию за счет того, что создает видимость равенства различных систем ценностей. Но ни о каком подлинном равенстве не может идти речи, если эти системы ценностей просто вынуждены терпеть друг друга, если их сосуществование определено внешними рамками: правовыми нормами, нежеланием открытых конфликтов и т. д.

Литература

- Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2000.
- Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995.
- Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. СПб. : Университетская книга, 2000.
- Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 16–28.
- Пороховская Т. И. Толерантность как доктрина, принцип поведения и как моральная дилемма // Вестник РУДН. 2013. № 3. С. 85–95.
- Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М. : АСТ, 2003.
- Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992.